

Возмущение знака. О перформативе, лозунгах и Ленине*

Петровская Е., Институт философии РАН, Москва
epetrovs@iph.ras.ru

Аннотация: В статье предлагается интерпретация социальных протестов с точки зрения физики. Для этой цели автор среди прочего обращается к делёзианскому понятию *mot d'ordre*, которое одновременно означает «лозунг» и «приказ». Делёз описывает бестелесные трансформации, производимые «словом-приказом». Они являются осуществлением речевого акта (действия) в самом высказывании. Эти трансформации охватывают целые социальные группы. Настроения последних могут передаваться с помощью понятия «структуры чувства» (Р. Уильямс), которое описывает не что иное, как меняющиеся положения вещей. Деперсонализируя чувство, подобные «структуры» в то же время отдают должное разделяемым желаниям, тревогам и надеждам, раскрывающим бунтующий и по-прежнему не до конца оформившийся коллектив. Любое возмущение приводит к смещению знака в его привычном понимании, поэтому если мы хотим быть верными аффективному измерению социальных протестов, мы должны стремиться разработать динамическую модель знака для их описания. Понятие аффекта рассматривается автором на примере «сильных» лозунгов периода Гражданской войны, а также «слабых» лозунгов российского протестного движения 2011–2013 годов.

Ключевые слова: возмущение, социальный протест, перформатив, лозунг, аффект, динамический знак, Б. Эйхенбаум, Р. Уильямс, Ж. Делёз и Ф. Гваттари, В.И. Ленин

Мне хотелось бы взглянуть на понятие возмущения с точки зрения непсихологической: для этого придется акцентировать физическое – если угодно, телесное – измерение социальных протестов. Я буду приводить примеры из политической и культурной истории моей страны, но мое понимание проблемы не ограничено ими. Иными словами, я не вижу ничего настолько специфичного в этих примерах, чтобы настаивать на их абсолютной единичности или непереводаемости. Напротив, они указывают на некую общую тенденцию, к которой и примыкают; имеется в виду как распространение социальных движений в глобальном масштабе, так и меняющийся фокус внутри самого гуманитарного знания, которое пытается как-то справиться с этим новым явлением. Но прежде чем двигаться дальше, необходимо сделать небольшое лингвистическое пояснение.

На моем родном языке два слова, которые различаются в других языках, например, по-английски («indignation» и «disturbance»), передаются единым словом «возмущение». Это весьма счастливое совпадение, поскольку в этом слове

---

* Статья написана на основе пленарного доклада, прочитанного на международной философской конференции «Нормы возмущения. Взгляд из Европы» (Европейский университет г. Фленсбурга, Германия, 4–5 июля 2016 года).

соединяются два рассматриваемых плана – психологический и физический, отчего для русского уха они практически неразличимы. Однако даже в русском языке можно четко разделить два разных семантических значения: одно из них – гнев или негодование, испытываемые по поводу того, что ощущается как нечто несправедливое, недостойное или оскорбительное (это состояние можно также назвать крайним недовольством, праведным гневом); другое – отклонение направления движения или изменение нормального состояния чего-либо, иными словами, некое вмешательство или вторжение извне, объясняемое внешней силой и ее воздействием. Это второе значение сводится, по сути, к следующему: изменение или смещение, выводящее систему из равновесного состояния, в котором она пребывает. Предлагаю рассматривать глобальные протестные движения, которые начались в 2011 году (и продолжались в России до 2013 года), именно в этом физическом смысле.

Однако, для того чтобы лучше понять обозначенный общий контекст и в особенности то, как он влияет на наше понимание возмущения, нам необходимо выделить некий устойчивый мотив, то, что в истории движений социального протеста сопровождало различные формы общественных «беспорядков» достаточно долгое время. Речь идет о лозунгах. Лозунги располагаются на пересечении языка и действия. Нет сомнений в том, что это наполненные значением *знаки*. Однако их лингвистические характеристики весьма своеобразны, и мы подробнее остановимся на них. Сейчас же достаточно будет сказать, что они являются определенным типом высказывания, как и отдельной лингвистической практикой. Безусловно, слово «практика» имеет первостепенное значение для наших рассуждений: лозунги – это особая форма речевого обращения и языкового производства в целом. Если попытаться выразить суть дела в одной фразе, то их специфика проистекает из их перформативности.

Перформативные высказывания всесторонне разбирались в рамках теории речевых актов, и они напрямую ассоциируются с именами Джона Остина и Джона Сёрля. Какие бы различия ни существовали в их подходах, оба исследователя сходятся в том, что перформативы – это особый класс предложений, которые не описывают и не констатируют, но вместо этого являются определенным родом действия, причем совершенно буквально: произнесение перформатива – это «совершение действия» в собственном смысле¹. Знаменитый приводимый Остиным пример – высказывание, звучащее на церемонии заключения брака: «Я беру эту женщину в жены». Очевидно, что высказывания такого рода затрагивают так называемые «конвенциональные следствия», а именно вытекающие из них права, обязанности и обязательства². Но, и это особенно важно, перформативы меняют существующее положение вещей. Можно вспомнить и гораздо более драматичные примеры, чем обещание или брачный обет. Так, приговор судьи, произносимый во время судебного заседания, преобразует обвиняемого в осужденного. Это осязаемая социальная трансформация, обусловленная не чем иным, как словами судьи.

¹Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов // Остин Дж. Избранное / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 19.

²Там же. С. 90, 100 и след.

Является ли последний из приведенных примеров перформативом в строгом смысле или нет, утверждать нельзя, однако, отрицать, что слова могут вызывать перемены. В определенном смысле это справедливо и для лозунгов. Лозунги суть перформативы в том отношении, что это не просто боевой клич, брошенный в массы, – они играют особую роль, создавая новые положения вещей и их неповторимые конфигурации. Таковы, безусловно, лозунги, которые появляются во времена глубоких социальных потрясений. Знаменитыми лозунгами периода Гражданской войны в России стали лозунги большевиков: «Мир – народам!», «Хлеб – голодным!», «Земля – крестьянам!» (которые иногда переводятся на английский словами «Peace, Bread and Land Now!»), то есть «Мира, хлеба, земли – немедленно!», что даже еще лучше передает как неотложность, так и преобразовательный потенциал интересующих нас здесь высказываний). Еще один знаменитый лозунг «Вся власть Советам!», выдвинутый как оппозиционный по отношению к Временному правительству под руководством Керенского, имеет свое конкретно-историческое время существования, больше того – свою собственную «биографию»³. Я к нему еще вернусь. На этом этапе запомним первый посыл, исходящий от лозунгов: лозунги – это языковые акты, которые участвуют в реальных трансформациях.

Однако если мы присмотримся к высказываниям, которые появлялись на улицах и площадях Москвы зимой 2011 года, то обнаружим, насколько они отличаются от лозунгов, только что приведенных. Первое, что приходит в голову, это то, что новые лозунги потеряли свой преобразовательный потенциал и что с этой точки зрения они уже не совсем лозунги, если в этом разобраться. В самом деле, что можно уяснить себе из предложений вроде: «Я видел вброс», «Чувствуете? Действует!» или надписи на белых воздушных шарах: «Нас надули», построенной на игре слов и отсылающей к фальсифицированным выборам в Госдуму? Эти высказывания являются одновременно частными и констатирующими: вместо того чтобы побуждать к действию, они описывают ситуацию, если не считать, что такое языковое «описание» предназначено к публичному показу. Есть ли вообще что-то общее между этими двумя группами лозунгов или следует их в принципе отделить друг от друга?

По моему мнению, эти высказывания, сделанные в различных исторических обстоятельствах, имеют по меньшей мере одну общую черту, а именно «эмоциональный тон». Еще в 1924 году Борис Эйхенбаум, известный русский формалист, предпринял анализ основных стилевых тенденций в речи Ленина⁴. Согласно Эйхенбауму, речь Ленина была не только формой языка «практического» (в противовес «поэтическому языку» – излюбленное формалистами различие), но точно так же речью агитационной. Действительно, задача Ленина состояла в том, чтобы «убедить» свою аудиторию, будь то на письме или же в устных выступлениях. Но почему именно Ленин? Эйхенбаум приводит две причины, объясняющие сделанный им выбор. Во-первых, ораторская речь Ленина обращена к народу и даже к целым

---

³Lih L.T. “All Power to the Soviets”: Biography of a Slogan // *Riddell J. Marxist Essays and Commentary*. URL: <https://johnriddell.wordpress.com/2014/08/18/all-power-to-the-soviets-biography-of-a-slogan-by-lars-lih/> (дата обращения: 09.01.2018).

⁴Эйхенбаум Б. Основные стилевые тенденции в речи Ленина // ЛЕФ. 1924. № 1. С. 57–70. URL: http://philologos.narod.ru/eichenbaum/eichen_lenin.htm (дата обращения: 09.01.2018).

народам, а не к каким-то «специалистам», образующим узкие группы. Более того, тон его речи определяется тем, что перед ним аудитория двоякого рода: с одной стороны, противники и враги, с другой – некоторая масса, на которую нужно воздействовать и которую предстоит убедить. Неудивительно, что сами названия ленинских статей так похожи на обличения и лозунги («Максимум беззастенчивости и минимум логики», «Пусть решают рабочие!», «Лучше меньше, да лучше» и так далее). Во-вторых, и это куда более существенно, ораторство для Ленина не связано ни с карьерой, ни с профессиональными занятиями, но, по словам Эйхенбаума, является «настоящим делом». Важно понимать, что «дело» в русском языке также означает «действие».

Вернемся, однако, к эмоциональному тону. Эйхенбаум дает недвусмысленно понять, что статья или речь представляет собой «не голую формулировку мысли», не простое ее выражение в определенных терминах, но *«речевой процесс»* (курсив мой. – *Е.П.*), вызываемый к жизни каким-нибудь стимулом. Именно этот процесс отмечен присущей ему динамикой, последовательностью, а также эмоциональной и стилистической окраской. Стилиевые тенденции, которые анализирует ученый, относятся как к отдельному автору (в данном случае Ленину), так и к корпусу устных и письменных текстов «определенной эпохи или группы». Эти ремарки, подкрепленные знанием теоретической платформы Эйхенбаума, позволяют прийти к заключению о том, что в эмоциональном тоне нет ничего субъективного. Данное положение подтверждается и самим анализом произведений Ленина, вызывающим в памяти блестящее и в высшей степени формальное изложение различных типов речи, использованных Гоголем в его «Шинели» и создающих реалистические и психологические эффекты внутри комической повести с вкраплением гротеска⁵. В самом деле, если интерпретировать речь как процесс, имеющий собственную логику, тогда ее «эмоциональный тон» невозможно будет спутать с эмоциональным состоянием говорящего. Скорее, этот тон окажется частью более обширной картины, включающей такие разнообразные элементы, как революционный момент в собственном смысле, разделенная надвое аудитория (противники в противоположность массе) и, наконец, риторический прием в виде убеждения.

Но необходимо сделать следующий шаг. Следует помнить о том, что Эйхенбаум анализирует ленинскую речь как литературную форму (он утверждает, что она принадлежит «агитационному жанру»). Такая форма не является нейтральной хотя бы потому, что она напрямую соседствует с лозунгом и содержит эмоциональный тон, проистекающий из этого последнего или, вернее, из того специфического момента, которым лозунг вызывается к жизни. Как же мы можем понимать такого рода эмоциональный тон, если «эмоция» обозначает то, что представляется полностью внешним? На этом этапе имеет смысл обратиться к понятию «структуры чувства» (*structures of feeling*), сформулированному влиятельным британским теоретиком Реймондом Уильямсом⁶. Как и Эйхенбаума, Уильямса интересуют в первую очередь литературные тексты. В отличие от Эйхенбаума, однако, его цель заключается в том, чтобы разработать такие техники анализа, которые позволили бы рассматривать

⁵Эйхенбаум Б.М. Как сделана «Шинель» Гоголя // *Он же. Сквозь литературу*. Сб. ст. Л.: Academia, 1924. С. 171–195.

⁶*Williams R. Marxism and Literature*. Oxford; New York: Oxford University Press, 1977. P. 128–135.

литературу как специфическую социальную конвенцию. Он тоже увлечен динамикой литературы и останавливается на трудностях, возникающих тогда, когда переходные формы (литература в период социальных трансформаций) описываются с помощью определенного набора устоявшихся понятий. Объектом критики для него являются прежде всего макрокатегории марксистского анализа сознания.

Первостепенный интерес Уильямс уделяет культурному опыту, как тот на деле проживается, и большую тревогу с его стороны вызывает «преобразование опыта в готовые продукты». Существующие категории, применяемые для описания проживаемого опыта, который протекает в настоящем времени, приводят к двойному искажению. Во-первых, они переводят этот опыт в прошедшее время, поскольку само по себе понятие социального обязательно относится к тому, что сформировалось, а не к тому, что все еще формируется. Во-вторых, все то, что по-прежнему находится в процессе развития, квалифицируется как «личное», а стало быть – как «субъективное». В итоге утрачивается как раз опыт настоящего, или, говоря словами Уильямса, нечто «неотчуждаемо *физическое*» (курсив мой. – Е.П.), в противоположность упорядоченному описанию закрепившихся институциональных форм⁷. Чтобы разобраться в данном опыте, который не является ни побочным продуктом самих изменившихся институтов, ни аналогом личного опыта, Уильямс и вводит понятие «структуры чувства». Не должно вызывать удивления то обстоятельство, что подобные структуры, типичные для поколения или конкретного периода истории, лучше всего передаются литературой и искусством, которые имеют свойство оставаться в актуальном времени культуры.

Структуры чувства служат альтернативой по отношению к понятиям «мировоззрение» и «идеология», которые расцениваются как формальные и в чем-то даже статичные. На их фоне новый термин призван стать отражением того, что Уильямс называет практическим сознанием. Под ним понимается «своеобразное ощущение (feeling) и мышление, которые, безусловно, социальны и материальны, но находятся в зачаточном виде», прежде чем им доведется стать по-настоящему отчетливой коммуникацией⁸. Поэтому их отношения с тем, что уже имеет четкие формы, оказываются чрезвычайно сложными и отмеченными постоянным напряжением. Аффективная сторона вводимого Уильямсом понятия по-прежнему относится к *социальному* сознанию (как бы оно ни перетолковывалось), поэтому такие его элементы, как «импульс, сдерживание и тон», не несут в себе ничего личного или субъективного, но указывают в точном смысле на структуру – на набор конкретных отношений. Любопытно, что, описывая эту социальную динамику, Уильямс использует термины, заимствованные из химического и физического словаря. Помимо прямого использования слова «физический» для обозначения происходящих изменений и неоднократной отсылки к «напряжению», взятому в конститутивном смысле, он определяет структуры чувства как «социальный опыт *во взвешенном состоянии*» и противопоставляет его семантическим образованиям, описываемым как «*осевшие*»⁹.

---

⁷ Ibid. P. 128.

⁸ Ibid. P. 131.

⁹ Ibid. P. 133–134.

Я уже отмечала, что структуры чувства относятся к формам, не вполне себя проявившим. Действительно, не являясь законченными сообщениями, они остаются «у самой грани семантической доступности»¹⁰, но в то же время (или как раз по этой причине) отражают преобладающее состояние умов или настроение. А это опять возвращает нас к лозунгам. Пожалуй, как никакое другое высказывание, лозунги обнаруживают этот разделяемый эмоциональный тон. Описывая структуры чувства, Уильямс не использует то единственное слово, которое так хорошо подходит к нашим рассуждениям: я имею в виду «желание» или, скорее, различные виды «страстей», которые неотделимы от самой ткани социальной и политической жизни. Лозунги – это носители коллективных желаний. Если посмотреть на них под этим углом зрения, тогда мы поймем, что объединяет вместе «сильные» и «слабые» лозунги, несмотря на их очевидные несовпадения. Напомню, что «сильные» лозунги, будучи перформативами, участвуют в переменах напрямую, тогда как «слабые» лозунги, будучи констативами, служат чистым выражением желания, связанного с переменами. Тем не менее и те и другие суть элементы физического возмущения, и мы еще подробнее это обсудим.

Однако, прежде чем двигаться дальше, вернемся коротко к тем лозунгам, которые возникли в России в конце 2011 года. В чем именно смысл этой акции – появления на улице с плакатом-самоделкой «Я видел вброс»? Это высказывание вряд ли можно считать обличением, и оно не оспаривает результаты незаконных выборов в Госдуму. Совершенно ясно, что не призывает оно и к какому-то действию. И все же, представленное другим, «я» устанавливает с ними связь, более того, оно демонстрирует, что уже является частью существующих в виде сложной сети аффективных отношений. Эти отношения не выражаются в высказывании прямо. Однако их наличие и их растущее давление в политическом пространстве делают само это высказывание возможным, наряду со многими другими, появившимися в это время. То, что они все вместе размечают, – это зарождающееся политическое (само)сознание – коллективное «пробуждение» после десятилетия политической апатии и полнейшего оцепенения. Когда тогдашний кандидат в президенты Михаил Прохоров заявил, что «Россию охватило чувство» (интервью агентству Рейтер от 17 января 2012 года)¹¹, он указывал именно на это – на появление новых структур чувства. А это означает, подчеркнем, что индивид не противостоит коллективу, но определяется и усиливается потоком проживаемого и совместно разделяемого опыта, отражающим структуру отношений.

Следовательно, вот и второй посыл, исходящий от лозунгов: они служат выражением несубъективного эмоционального тона. Как мы смогли убедиться, они могут быть «слабыми», то есть с семантических позиций недостаточными. Однако эта недостаточность имеет позитивные черты: являясь семантически неполными, а значит

---

¹⁰ Ibid. P. 134.

¹¹ Candidate Prokhorov Says Putin Must Change // The Moscow Times. Jan. 18, 2012. URL: <http://www.themoscowtimes.com/news/article/candidate-prokhorov-says-putin-must-change/451188.html> (дата обращения: 12.01.2018). Привожу полностью этот короткий абзац: «He said that feeling was sweeping Russia, with debate over the future heard “in the kitchens, on the streets, in the elite – everywhere. Now we are just crazy about politics. <...> Just half a year ago, nobody had any interesting it”» («Он сказал, что Россию охватило чувство и что споры по поводу будущего звучат “на кухнях, на улицах, среди элиты – повсюду. Сейчас мы просто сходим с ума по политике. <...> Еще полгода назад она никого не интересовала»»).

– «предобразованиями» (pre-formations) (термин принадлежит опять же Уильямсу)¹², управляемые коллективными желаниями, лозунги действуют наподобие физических сил. Они смещают существующие формы, нарушают или подрывают их порядок. Это верно в отношении как самой политической сферы, так и семиотики, понимаемой как образование, или производство, знаков. Известно, что недавнее протестное движение в России не привело к каким-либо заметным результатам: политическая система не изменилась, мало того, она стала более жесткой, агрессивной и бесстыдной. Однако, несмотря на это, описываемое движение продемонстрировало желание перемен, способность к сопротивлению, а также что означает «созидание социального»¹³, если оно осуществляется свободным и творческим путем. Сегодня мы можем восстановить историческую правду этого момента при помощи многочисленных речевых фрагментов, которые всегда будут разобщенными и в то же время принадлежащими единому силовому полю, составленному из аффектов.

***

Теперь мне хотелось бы вернуться к ленинскому лозунгу «Вся власть Советам!» и рассмотреть его в свете интерпретации, предложенной Жилем Делёзом и Феликсом Гваттари в их захватывающей книге «Тысяча плато». Это позволит нам расширить понимание лозунгов как физических сил, а также сделать шаг в сторону их переопределения уже в качестве знаков. В главе книги, посвященной лингвистике, авторы, следуя за Остином, проявляют живейший интерес к тому, что обозначается ими как «скрытые или недискурсивные предпосылки» высказываний. Под этим подразумеваются «внутренние отношения между речью и определенными действиями», совершаемыми при говорении, или, в более широком смысле, прагматика¹⁴. В том способе анализа, который они предлагают, для них особенно значимым становится словосочетание «mot d'ordre» – согласно нормам литературного французского языка, оно означает не что иное, как «лозунг». Как отмечает английский переводчик книги Брайан Массуми, Делёз и Гваттари используют данный термин в его буквальном значении, а именно как «слово приказа/порядка» (word of order), которое становится эквивалентом «военной команды» и в то же время «слова или предложения, создающих порядок»¹⁵. В самом деле, задача авторов в том, чтобы поставить под сомнение коммуникационную и информационную функции языка, сосредоточившись на производимых им трансформациях.

Для Делёза и Гваттари социальный характер высказывания обусловлен тем, что оно является частью некоторого коллективного сцепления (agencement)¹⁶: «...высказываемое индивидуализируется, а высказывание субъективируется только в той мере, в какой безличное коллективное сцепление требует этого и это же

¹²Williams R. Op. cit. P. 134.

¹³Negri A. Spinoza for Our Time: Politics and Postmodernity / Trans. by W. McCuaig, New York: Columbia University Press, 2013. P. 97.

¹⁴Deleuze G., Guattari F. Capital is meet schizophrénie. T. 2: Mille plateaux. Paris: Minuit, 1980. P. 98.

¹⁵Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia / Trans. and forew. by B. Massumi. Minneapolis, Minn.: University of Minnesota Press, 1987. P. 523.

¹⁶Я использую здесь вариант перевода, предложенный А.В. Гараджой.

определяет»¹⁷. Что касается самого коллективного сцепления (описываемого через непрямую речь или дискурс), то оно напоминает нечто вроде приглушенного рокота или гула, «совокупность голосов, созвучных или не созвучных друг другу, из которой я извлекаю свой голос»¹⁸. Вводя термин «слово-приказ», Делёз и Гваттари не намереваются описывать новую категорию высказываний. Вместо этого они пытаются раскрыть отношение каждого слова или каждого высказывания к его скрытым предпосылкам или к тем речевым актам, которые совершаются в высказывании. Что значит совершить акт внутри высказывания? Это значит произвести бестелесную трансформацию. Превращение обвиняемого в осужденного и есть такая трансформация. Объявление всеобщей мобилизации – это мгновенная трансформация различных типов связанных между собою тел. Примеры можно продолжить. Поскольку слова-приказы обозначают «мгновенное отношение между высказываниями (*énoncés*) и бестелесными трансформациями», которые этими словами выражаются¹⁹, они указывают на переменную величину выражения, относящуюся непосредственно к высказыванию. Однако именно по этой причине – по причине того, что переменные внутренне присущи языку, – и устанавливается отношение между языком и тем, что за его пределами.

Что мы можем извлечь для себя из такой довольно сложной схемы? Несомненным является тот факт, что Делёз и Гваттари подвергают критике линейный и статичный вариант лингвистики. Их задача – освободить ее от всевозможных констант, десубъективировать высказывание, превратив его, как и язык в целом, в динамическое построение. Со своей стороны, слово-приказ – в тройном значении «лозунга», «приказа» и «слова, создающего порядок» – служит механизмом изменения. В самом деле, оно может рассматриваться как сила, формирующая новую композицию из тел, языка и внешних обстоятельств, иначе говоря – новое положение вещей. Одновременно оно дает выражение этой зарождающейся композиции. Нельзя считать случайностью, что Делёз и Гваттари используют «*mot d'ordre*» в его двойной ипостаси: в значении отношения (вводимом ими) и в прямом значении лозунга (заимствованном ими из их родного языка). Слова-приказы – это, безусловно, силы, раз они приводят к бестелесным трансформациям, которые затем приписываются широчайшему диапазону тел. Они действуют на скоростях, слишком высоких для человеческого восприятия, как и понимания. Сфера их приложения – это физика социального, и, наверное, их следует понимать в том же духе, в каком Спиноза пишет об аффектах: «...состояния тела (*corporis affectionis*), которые увеличивают или уменьшают способность самого тела к действию, благоприятствуют ей или ограничивают ее...»²⁰. Иными словами, переходы в чистом виде – в самом точном смысле.

А теперь обратимся к *mot d'ordre* в его прямом значении, а именно к лозунгу «Вся власть Советам!». Жизнь этого лозунга, или, как я сказала, его биография, была

¹⁷ Deleuze G., Guattari F. *Mille plateaux*. P. 101.

¹⁸ Ibid. P. 107.

¹⁹ Ibid. P. 103.

²⁰ Спиноза Б. *Этика* / Пер. с лат. Н.А. Иванцова // Спиноза Б. *Избранные произведения* в 2-х т. / Общ. ред. и вступ. ст. В.В. Соколова. Т. I. М.: Госполитиздат, 1957. С. 456 (Часть III, Определения).

проанализирована самим Лениным в его брошюре «К лозунгам» (1917)²¹. Он объясняет, почему между 27 февраля и 4 июля революция могла развиваться по мирному пути в ситуации так называемого «двоевластия» и почему после 4 июля это оказалось невозможно. Действительно, до 4 июля между Временным правительством и Советами существовало добровольное соглашение. Но в дни, непосредственно предшествовавшие 4 июля и за ним последовавшие, случилось то, что, по Ленину, стало проявлением «контрреволюционного палачества»²²: расстрелы на фронте солдат, отказавшихся повиноваться командирам, разгром большевиков в Петрограде, разоружение пролетариата и революционных полков. (Чтобы быть более точными, 4 июля в Петрограде была расстреляна массовая демонстрация против Временного правительства, и большевикам, обвиненным в этой расправе, пришлось уйти в подполье.) Все это ознаменовало конец лозунга «Вся власть Советам!». Оценивая резкое изменение соотношения сил (разрыв с социал-демократами), Ленин, по существу, призывает к революционному пролетариату, чья задача – победить предателей и добиться «нового подъема новой революции»²³. Эта задача явно отодвинута в будущее, поскольку такого класса еще не существует.

Для Делёза и Гваттари это и есть бестелесная трансформация, совершенная текстом. Согласно их интерпретации, пролетариат как «сцепление высказывания» (*agencement d'énonciation*)²⁴ возникает до того, как появляются условия для его существования в качестве материального тела. Однако это не единственное бестелесное преобразование, которое здесь имеет место. Ленин убежден, что в новый цикл политической борьбы входят, помимо прочего, также и новые партии, «обновленные огнем борьбы, закаленные, обученные, пересозданные ходом борьбы»²⁵. Полагаясь на его предвидение и на развитие самих политических событий, Делёз и Гваттари выдвигают положение о том, что второй бестелесной трансформацией, провозглашаемой Лениным, становится авангард пролетариата – (большевистская) «Партия» нового типа, еще одно «сцепление высказывания», приписываемое конкретному телу, несмотря на то что тело это пока еще не сформировалось. Что касается лозунга «Вся власть Советам!», то соавторы особенно внимательны ко времени его существования. Конечно, оно связано с внешними обстоятельствами, такими как переход от мира к войне и волнения, заставившие Ленина скрываться. Но дата предельно точна: 4 июля. Бестелесная трансформация уже здесь, в тексте, а тело, которому ее припишут (Партия), появится только спустя какое-то время. Несомненно, такая «бестелесная семиотика» придает ускорение вещам, помогая новым политическим «телам» включаться в действие²⁶.

²¹ Ленин В.И. К лозунгам // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 34. М.: Политиздат, 1969. С. 10–17.

²² Там же. С. 12.

²³ Там же. С. 17.

²⁴ Deleuze G., Guattari F. *Mille plateaux*. P. 105.

²⁵ Ленин В.И. Указ. соч. С. 17.

²⁶ Deleuze G., Guattari F. *Mille plateaux*. P. 111–112. Здесь важно подчеркнуть соотношение плана выражения и плана содержания: оба вторгаются друг в друга и оба действуют один внутри другого. Содержание, стало быть, не раскрывается и не передается представлением. Из подобного взаимодействия содержания и выражения и возникает «сцепление».

Остается разобрать вопрос о том, что такое лозунги как знаки. Все, что говорилось до сих пор, как будто указывает в одном общем направлении. Если мы будем продолжать рассуждать о лозунгах с семиотических позиций, нам необходимо будет внести уточнения в существующие понятия, начиная с понятия собственно знака. Что в точности имеется в виду, когда лозунги трактуются как знаки? Ясно, что придется отказаться от таких традиционных пар, как означающее – означаемое, знак – значение и так далее. Говоря обобщенно, придется отказаться от устойчивых категорий, которыми мы энергично пользуемся повсеместно в нашем анализе. Таков импульс, посылаемый не чем иным, как лозунгом. Лозунг, похоже, смещает не только четко обозначенные формы, но и сами наши интеллектуальные привычки. И в этом, бесспорно, причина того, почему Делёз и Гваттари столь увлечены различными аспектами «*mot d'ordre*». Даже наш собственный путь от перформатива через структуры чувства к признанию потребности в обновленной версии лингвистики подтверждает ту же мысль. Итак, повторим напоследок свой вопрос: о чем идет речь, когда говорят о лозунгах в терминах знаков?

Я уже отмечала, что лозунг, будучи элементом новой конфигурации тел, в то же время дает ей выражение. Это вполне строгая формулировка, если придерживаться делёзианского понимания знака. Знак – это то, с чем мы сталкиваемся, но не можем узнать. А вызов нам бросает внешний мир, отказываясь предстать перед нашими познавательными способностями гомогенным и целокупным единством. Взамен он постоянно являет себя в виде множества знаков, которые, по Делёзу, имеют чувственный характер. Эти знаки обозначают – имплицитуют – саму гетерогенность внешнего мира, и в этом качестве они противоположны представлению, имеющему дело с тем, что уже известно – уже узнано, объяснено, оценено. Вот почему представление не схватывает то, что изменяется, что находится в движении или, выражаясь языком Делёза, в состоянии становления. Было бы ошибкой думать, что за знаком таится некий скрытый смысл, потому что единственное, на что указывает знак, – это появление гетерогенного элемента. Знак и обозначает такой «возможный мир», в нем свернутый, и одновременно его же полноценно выражает, притом что оба действия – имплицитования и эксплицитования – дополняют, а не исключают друг друга²⁷.

Можно сформулировать это и так: что представление отразить не в состоянии, так это переход; знак же выступает физическим следом такового. Лозунг демонстрирует эту внелингвистическую реальность, чем и объясняется тот факт, что его так трудно описывать как явление обособленное или устоявшееся. Однако было бы неверным полагать, что нам нужно изобрести совершенно новую лингвистику, чтобы объяснить подобные явления. Ведь существует динамическая модель знака, к которой можно и нужно обратиться. Я имею в виду Чарлза Сандерса Пирса и его революционную семиотику (*semiotic*). Конечно, я могу только ограничиться намеком на то, насколько важна его модель для интерпретации лозунгов. Как я уже сказала, в своей основе это модель динамическая. Однако даже идеи Пирса были искажены в угоду пристрастию, испытываемому к представлению. Так, его трихотомии знаков

---

²⁷ См. подробнее об этом блестящие страницы в кн.: *Zourabichvili F. Deleuze. Une philosophie de l'événement*. Paris: Presses Universitaires de France, 1994. P. 37–43.

оказались расчлененными на отдельные блоки, и в результате их соотносительный, то есть по-настоящему динамический, характер был полностью вынесен за скобки. Между тем каждый отдельный знак есть комбинация трех элементов или полюсов (наиболее известная трихотомия – это икона, индекс и символ), хотя один из них и может в реальности возобладать над другими.

Язык – это бесконечное движение. Вот то, что в общем виде можно почерпнуть из Пирса. И это не только смещения в рамках трихотомий, относящихся к знакам; это и общий напор языка, когда каждое представление (representation) связано со всеми остальными, образуя подлинную цепь, и когда элементы названных трихотомий не перестают меняться местами²⁸. Например, интерпретанта, вещь, которой объект представлен через другую вещь, сама становится представителем объекта для другой интерпретанты внутри семиотической цепочки, и, по Пирсу, это «бесконечная последовательность»²⁹. На фоне всего сказанного мы можем по достоинству оценить определение индексального знака, сформулированное Пирсом: «*Индекс* – это знак, отсылающий к обозначаемому им объекту благодаря тому, что этот объект оказывает на него реальное воздействие»³⁰. Здесь и сходятся воедино наши интуиции. Лозунг вполне можно квалифицировать как индексальный знак. Мы понимаем теперь, что он несет в себе реальный отпечаток столкновения; более того, это знак постольку, поскольку он создается и трансформируется самим своим объектом. Не знак объекта (притяжательный падеж), но объект *в качестве* знака; иными словами, объект, оставляющий след прямо у нас на глазах – по мере того как он продолжает меняться и вовлекает в этот процесс нас самих. Понятно, что слово «объект» – это дань мышлению, основанному на порядке представления. Но если вспомнить, что лозунги состоят из аффектов, тогда будет нетрудно распознать в объектах силы, а в знаках – смещения или, того больше, возмущения, которые эти силы не могут не вызывать.

---

²⁸ Пирсовская «репрезентация» по своей функции и тому месту, которое ей отведено в этой подвижной системе, заметно отличается от классического философского «представления».

²⁹ Collected Papers of Charles Sanders Peirce / Ed. by Ch. Hartshorne and P. Weiss. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1960. P. 171 (I. § 339).

³⁰ Peirce Ch.S. Logic as Semiotic: The Theory of Signs // Philosophical Writings of Peirce / Sel. and Ed., with an Intro. by J. Buchler. New York: Dover Publications, 1955. P. 102.

Литература

Ленин В.И. К лозунгам // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 34. М.: Политиздат, 1969. С. 10–17.

Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов // *Остин Дж.* Избранное / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 13–135.

Спиноза Б. Этика / Пер. с лат. Н.А. Иванцова // *Спиноза Б.* Избр. произведения в 2-х т. / Общ. ред. и вступ. ст. В.В. Соколова. Т. I. М.: Госполитиздат, 1957. С. 359–618.

Эйхенбаум Б.М. Как сделана «Шинель» Гоголя // *Эйхенбаум Б.М.* Сквозь литературу. Сб. ст. Л.: Academia, 1924. С. 171–195.

Эйхенбаум Б.М. Основные стилевые тенденции в речи Ленина // ЛЕФ. 1924. № 1. С. 57–70.

Candidate Prokhorov Says Putin Must Change // The Moscow Times. Jan. 18, 2012. URL: <http://www.themoscowtimes.com/news/article/candidate-prokhorov-says-putin-must-change/451188.html> (дата обращения: 12.01.2018).

Collected Papers of Charles Sanders Peirce / Ed. by Ch. Hartshorne and P. Weiss. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1960 [1932]. 962 p.

Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia / Trans. and forew. by B. Massumi. Minneapolis, Minn.: University of Minnesota Press, 1987. 612 p.

Deleuze G., Guattari F. Capitalisme et schizophrénie. Т. 2: Mille plateaux. P.: Minuit, 1980. 646 p.

Lih L.T. “All Power to the Soviets”: Biography of a Slogan // *Riddell J.* Marxist Essays and Commentary. URL: <https://johnriddell.wordpress.com/2014/08/18/all-power-to-the-soviets-biography-of-a-slogan-by-lars-lih/> (дата обращения: 09.01.2018).

Negri A. Spinoza for Our Time: Politics and Postmodernity / Trans. by W. McCuaig. N.Y.: Columbia University Press, 2013. 128 p.

Peirce Ch.S. Logic as Semiotic: The Theory of Signs // Philosophical Writings of Peirce / Sel. and Ed., with an Intro. by J. Buchler. N.Y.: Dover Publications, 1955. P. 98–119.

Williams R. Marxism and Literature. Oxf.; N.Y.: Oxford University Press, 1977. 218 p.

Zourabichvili F. Deleuze. Une philosophie de l'événement. P.: Presses Universitaires de France, 1994. 128 p.

References

- Austin, J. *Kakovershat' deistviyapripomoshchislov* [How to Do Things with Words], in: J. Austin, *Izbrannoe* [Selected Writings], trans. by L.B. Makeeva, V.P. Rudnev. Moscow: Ideya-Press, Dom intellektual'noiknigi Publ., 1999, pp. 13–135. (In Russian)
- “Candidate Prokhorov Says Putin Must Change”, *The Moscow Times*, Jan. 18, 2012. [<http://www.themoscowtimes.com/news/article/candidate-prokhorov-says-putin-must-change/451188.html>], accessed on 12.01.2018].
- Collected Papers of Charles Sanders Peirce*, ed. by Ch. Hartshorne and P. Weiss. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1960 [1932]. 962 pp.
- Deleuze, G., Guattari, F. *A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia*, trans. and forew. by B. Massumi. Minneapolis, Minn.: University of Minnesota Press, 1987. 612 pp.
- Deleuze, G., Guattari, F. *Capitalisme et schizophrénie. T. 2: Mille plateaux*. Paris: Minuit, 1980. 646 pp.
- Eikhenbaum, B.M. “KaksdelanaShinel'Gogolya” [How Gogol's *Overcoat* Is Made], in: B.M. Eikhenbaum. *Skvoz' literaturu. Sb. st.* [Through Literature. Collected Essays]. Leningrad: Academia Publ., 1924, pp. 171–195. (In Russian)
- Eikhenbaum, B.M. “Osnovnyestilevyetendentsii v rechiLenina” [The Basic Stylistic Tendencies of Lenin's Speech], *LEF*, 1924, № 1, pp. 57–70. (In Russian)
- Lenin, V.I. “K lozungam” [On Slogans], in: V.I. Lenin, *Poln. sobr. soch., 5-e izd.* [Collected Works, 5th edition], Vol. 34. Moscow: Politizdat Publ., 1969, pp. 10–17.
- Lih, L.T. “‘All Power to the Soviets’: Biography of a Slogan”, in: J. Riddell. *Marxist Essays and Commentary*. [<https://johnriddell.wordpress.com/2014/08/18/all-power-to-the-soviets-biography-of-a-slogan-by-lars-lih/>], accessed on 09.01.2018].
- Negri, A. *Spinoza for Our Time: Politics and Postmodernity*, trans. by W. McCuaig, New York: Columbia University Press, 2013. 128 p.
- Peirce, Ch.S. “Logic as Semiotic: The Theory of Signs”, *Philosophical Writings of Peirce*, sel. and ed., with an intro. by J. Buchler. New York: Dover Publications, 1955, pp. 98–119.
- Spinoza, B. *Etika* [Ethics], trans. by N.A. Ivantsov, in: B. Spinoza. *Izbrannyeproduzvedeniya v 2-kh t.* [Selected Works in Two Volumes], ed. and with an intro. by V.V. Sokolov, Vol. I. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1957, pp. 359–618. (In Russian)
- Williams, R. *Marxism and Literature*. Oxford; New York: Oxford University Press, 1977. 218 pp.
- Zourabichvili, F. *Deleuze. Unephilosophie de l'événement*. Paris: Presses Universitaires de France, 1994. 128 pp.
-

Indignation: Disturbance of the Sign. On the Performative, Slogans and Lenin

Helen Petrovsky – Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Abstract: The article introduces a strictly physical dimension in the interpretation of social protests. Among other things, it resorts to the Deleuzian notion of *mot d'ordre* that stands for both “slogan” and “command”. Deleuze describes the incorporeal transformations that the *mot d'ordre* produces. They are the realization of the speech act (action) within a statement. These transformations embrace whole social groups. The sentiment of the latter might be accounted for by the “structures of feeling” (R. Williams) that describe nothing other than the changing states of things. Such “structures” depersonalize sentiment, at the same time paying tribute to shared desires, anxieties and hopes that disclose a turbulent collective in the making. Any disturbance displaces the sign as we know it, therefore a dynamic model of the sign has to be developed if we wish to remain faithful to the affective dimension of social discontent. The concept of affect is examined in connection with the “strong” slogans of the Civil War as well as the “weak” slogans of the 2011–2013 protest movement in Russia.

Keywords: indignation/disturbance, social protest, performative, slogan, affect, dynamic sign, B. Eikhenbaum, R. Williams, G. Deleuze and F. Guattari, V.I. Lenin